

Рембрандт
Нуровичи

7207.06

Культура. - экон. - с. 12
июня. - с. 8.

Код Рембрандта

Москва по-своему отмечает 400-летие со дня рождения великого голландца

Чужие города

Незаметно для россиян подкатил главный (для искусства изобразительного) юбилей нынешнего года – 400-летие со дня рождения Рембрандта Харменса ван Рейна. Выставок великого голландца по всему свету не счесть: Музей Поля Гетти (Лос-Анджелес) показывает его поздние религиозные полотна, в немецком замке Мойланд титан живописи, он же гравер, подан сквозь призму английской гравюры XIX века, в швейцарском Санкт-Галлене – “Рембрандт. Его эпоха, его темы, его мир” из частной коллекции сталелитейного короля Альфреда Блума. Национальная галерея Ирландии осенью покажет всевозможные nightscapes – “ночные картины” эпохи Рембрандта. Что уж говорить о голландских городах: Амстердам, родной художнику Лейден, Гаага, Роттердам... Гвоздем сезона в Королевском Рийксмузее стала выставка “Рембрандт – Караваджо”, собравшая 50 работ одной эпохи, но разных школ и даже культур. Ведь оба колосса были выдающимися мастерами света и тени, оба имели коммерческий успех и признание при жизни, при этом и тот и другой опередили свое время! Активен Дом-музей Рембрандта, где дотошно изучают составленную нотариусами в 1656 году опись имущества художника (тогда его объявили неплатежеспособным, а все найткое конфисковали за долги) и по каплям восстанавливают благополучную жизнь своего героя в ипостаси удачливого галериста и окруженного учениками мэтра. Здесь

будто призывают забыть, что последнее десятилетие жизни обитатель этого дома провел в страшной нужде: благополучие разрушилось, слава ушла, вернулась лишь после смерти, и то нескоро. Разумеется, у каждого свой Рембрандт...

Внушительный список экспозиций юбилейного года музейщики пополнили проектами “Really Rembrandt?” в том же Рийксмузее (“Рембрандт ли?” призвал сравнить картины, у которых специалисты недавно отняли почетную атрибуцию); “Рембрандт в поисках гения” – о самых трудных и плодотворных годах жизни художника, когда слава его закатилась, но без заказов он обрел наконец свободу творчества; “Рембрандт и Эйленбург – торговля шедеврами” (великий живописец был и маршаном, отчего его работы любопытно сопоставить с картинами итальянцев, фламандцев и голландцев, имевшими популярность у богатых патрициев XVII века).

Еще зимой по Голландии проехал своего рода передвижной театр скульптуры, созданный российскими авторами: М. Дронов и А. Таратынов пересоздали в бронзе картину “Ночной дозор”, старательно вылепив всех персонажей. И очень своевременно: Нидерланды-2006 ждут полмиллиона туристов только потому, что это Юд Рембрандта. Выставки устраивают все музеи страны: “Мать Рембрандта. Мифы и реальность”, “Гейзахи Рембрандта”, “Рембрандт-рассказчик” в Лейденском филиале музея Стейделик, “Лето с Рембрандтом” в Гааге и “Рембрандт в Роттердаме”, а также “Рембрандт и евреи”, “Рембрандт и

Библия” и еще с десяток экспозиций сменяют одна другую. Множится издания и переиздания: книга голландского дуэта под псевдонимом Ян Тоттероо “No Flash” (“Фотографировать со вспышкой запрещается”, действие разворачивается в зале Рийксмузеума перед полотном “Ночной дозор”); “Мой отец Рембрандт” Берта Наттера – история глазами сына художника Титуса; “Тайна “Ночного дозора” Дика Вальды – детская книжка о подмастерье Рембрандта; поклонникам стиля Дэна Брауна адресован “Код Рембрандта” – триллер с секретными кодами, почерпнутыми Диком ван ден Хеувелом из холстов. На родине национального героя – в Лейдене, где он провел первые 25 лет жизни и где похоронена его первая жена, Саския, – аккурат в день рождения художника, 15 июля, стартует трехдневный фестиваль. По версии мировых СМИ, никто из живописцев Европы до сих пор не удостоивался столь масштабных юбилейных торжеств.

России, у которой, как давно известно, особый путь, юбилей лейденского гения трудно было бы не заметить, но ажиотажа не наблюдается. Правда, выставку-ярмарку “Интермузей” не забыли посвятить Рембрандту, а питерские художники еще прошлой осенью по-своему отметили 400-летие со дня рождения мэтра, подражая ему в писании обнаженной натуры. Не ударил в грязь лицом и Урал: десять живописцев обязались каждый написать свою версию полотна “Даная”, чтобы осенью выставить в Челябинске “Десять “Данай” разных художников”. Есть инициати-

“Жертвоприношение Авраама”

вы куда более академические – так, в Эрмитаже впервые показали целиком замечательную коллекцию офортов Рембрандта, самую большую в России и одну из самых полных в мире (задолго до всех русских революций ее собрал юрист и автодидакт в исследовании наследия Рембрандта Дмитрий Ровинский). Выставкой “Офорты Рембрандта” в Николаевском зале Зимнего дворца начался цикл эрмитажных мероприятий Юда Рембрандта. В программе – нидерландская живопись из коллекции П.П.Семенова-Тянь-Шанского, американский художник Виллем де Кунинг (голландского происхождения), Рембрандтовские научные чтения, наконец, цикл концертов от Эрмитажной академии музыки – каждый поименован в честь какого-либо из шедевров Рембрандта: “Флора”, “Портрет старика в красном”... А осенью полсотни работ великого голландца из собрания ГМИИ имени А.С.Пушкина, Эрмитажа и Метрополитен-музея представят на Волхонке в экспозиции “Рембрандт, его предшественники и последователи”.

В общем, нельзя сказать, что великий маэстро забыт, но некий “датский” дух официоза витает, прорываясь даже в названиях юбилейных проектов. Хотя и нам Рембрандт вроде бы не чужой: собрание его картин в Эрмитаже ценится и по мировым стандартам, теперь выяснилось, что с прославившимися его офортами дело у нас тоже обстоит превосходно. Но твердо ли мы помним хотя бы главные шедевры художника, который до сих пор поражает искренностью, про-

стой и ясностью мысли? Порой кажется, что суетимся на отрезке между названиями “Ночной дозор”, раскрученным на новом витке отечественной истории промоутерами фильма в жанре фэнтези, и “Даная”, где услужливая память неизменно подкидывает варварское нападение на знаменитое полотно. А может, до сих пор дают о себе знать иезуитские наклонности эпохи соцреализма: от нее осталась доктрина “три Р – Рембрандт, Рубенс, Репин”, в соответствии с которой модернизм с его деформациями запрещался, а художникам предписывалось писать “как великие” – изображать жизнь “в формах самой жизни”...

Всегда живой?

Заставить вновь ожить намоленную, но чересчур примелькавшуюся “икону” в Москве рискнуло творческое трио, которое принял под свое крыло Мультимедийный комплекс актуальных искусств, или Московский дом фотографии. Под водительством арт-критика и историка искусств Сергея Хачатурова, успешно пробуящего себя в роли куратора, художника Марина Белова и Алексей Политов создали весьма нетрадиционную экспозицию в неожиданном месте. Даже не выставку, а скорее модель храма, где близ алтаря – не привычный иконостас и даже не статуя Афины Паллады, как в Древней Греции, а образы Рембрандта, записанные “на цифру”. Обычный, казалось бы, видеоряд – наподобие того, что показывают на лекциях, – напоминает о главном в творчестве мастера, к тому же содержит превосходную подборку автопортретов. Но по мере движения к аутентичным “картинкам”, сияющим в алтарной зоне, пространство, наблюдая боковым зрением, как по сторонам, слева и справа, трепещет свет в “витражах” – рукотворных проекциях рембрандтовских полотен. Ничуть не стремясь копировать оные, Белова и Политов нарисовали, а потом вырезали из гофрокартона (чтобы впускать в них свет и тени, реально воплощенные) серию собственных “полотен”: легко угадать композицию и персонажи семи известнейших картин Рембрандта (та же Даная, тот же “Дозор”, все те же обращенные к зрителю, истоптанные ступни Блудного сына). Перед “Автопортретом”, разъятым и вновь созданным в манере Уорхола, стоит букетик цветов... Но эти заново рожденные образы еще надо разгадать, ведь они оторвались от золотистого мерцания прототипов, будто погасли, а затем появились на свет в черной гамме. За стеной припрятан технический трюк: движущиеся люминесцентные лампы заставляют свет вибрировать, отчего “картины” (или скорее “гравюры”) пробуждаются. Возникший театр теней есть, по замыслу куратора, наиболее адекватный оммаж “радикальному гению, презревшему роль прилежного копииста Натуры”; но зато в каждом полотне “инсценирующему акт творения планетарной геологии, и всегда с самого начала – с отделения света от тьмы”. И возникает широкий спектр аллюзий: во-первых, ненавязчивый намек на то, что вплоть до XIX века Рембрандта гораздо больше ценили как графика, нежели как живописца. Во-вторых, акцент на будоражащие воображение многих поколений трепетные взаимоотношения Рембранд-

та со светом – кстати, благодаря этому свойству его живопись совершенно адекватно воссоздала и донесла до нас атмосферу того времени. Протирую искусствоведа старой школы Алексея Сидорова, убежденного, что наш юбиляр, “разрабатывая проблемы света... протягивает руку своему великому современнику, физику Гюйгенсу; его творчество как бы параллельно творчеству его младшего современника, великого философа и отщепенца Спинозы”. В-третьих, Рембрандт позиционирован как актуальный художник своей эпохи, “авангарднее всех авангардистов будущего” (о чем не следует забывать строгим приверженцам классики!). Вместе с тем он был и остается гедонистом, сохраняющим радость жизни даже в самых философски нагруженных картинах. Сквозь намеренно взятые за основу инсталляции “ПРО ЯВЛЕНИЕ” (амбивалентное название содержит шифр к проекту) хрестоматийные, они же “вечные”, сюжеты напрямую пробиваются жизнелюбие персонажей художника, и он от нас не отделяется, а вопреки временной дистанции становится ближе. Вдобавок в композициях московского проекта сквозит такая воспетая другими “великими” черта Рембрандта, как отсутствие красоты. “Делает ли он портрет, жанровые сцены или картины на библейские темы, он в них не дает внешней, наружной красоты, как итальянцы, но зато все его персонажи удивительно жизненны”, – писала А.Остроумова-Лебедева. Так и для нас, входящих в здание с полисемантическим наименованием “ПРОЕКТ ФАБРИКА”, важны пульсации “живого” и несущественны формальные нюансы, поскольку мы здесь не за тем, чтобы любоваться тщательно выписанной фактурой до боли знакомых полотен, а чтобы совершить акт поклонения божеству, пусть и немного языческому. Предстояние перед его картинами – символ веры в рамках того культа, согласно которому нет бога, кроме Рембрандта, а он объемлет полмира... Куратор дерзнул объединить старое и новое, традиционное и разрушающее каноны, как делал и сам герой проекта, конечно же, не знавший ни футуризма, ни поп-арта (но кто посмеет сказать, что не принял бы новаций нашего века, окажись он среди нас?); нарушив привычные “правила поведения” в общении с классиком, смыв с него хрестоматийный глянец. Самое забавное (и вместе с тем символическое), что, как уверяет куратор, “про явить” (sic!) Рембрандта “сквозь визуальные помехи нашего времени” помогла навязчивая реклама кинематографических опусов, где тоже обнаружилась борьба света и теней. В итоге – замысел решить юбилейное “приношение Мастеру” как перформанс вполне в духе актуального дискурса. Выстроив черный бокс посреди выставочного зала, в который превращен отслуживший свое промышленный объект, зрителя поместили... в ларец, будто в русской сказке, находящийся внутри еще нескольких ларцов. Глубина трактовки, как и следует ожидать, зависит от бэкграунда каждого ступающего в это “храмовое пространство”. Общим остается удивление и готовность верить: если бы не было юбилея, его надо было бы выдумать, дабы вернуть Рембрандту – рембрандтово.

Елена ТИТАРЕНКО